

Шагать в ногу с ротой проще, чем идти в ногу со временем
(диалог с публицистом газеты "Время" Лео Вайдманом)

1. Диалектику придумали не Гегели

Л.В. Это вышло совершенно случайно, что я встретился с ним в день его рождения. Дата оказалась не совсем круглая, но для академика вполне подходящая – пятьдесят шесть. При некоторой разнице в возрасте мы были людьми одного поколения, что всегда облегчает понимание даже в случае расхождения во взглядах.

Уважение чужого мнения при сохранении собственных убеждений, как выражаются в похожих случаях политологи.

За несколько лет до того, как стать Президентом Национальной академии наук, он работал здесь же главным ученым секретарем. Его хорошо знали и помнили. Но поздравлять пришли – как можно было предположить – не академики с членкоррами, не директора институтов, традиционно наносящие сообразно официальному этикету визит вежливости своему высокому начальству, чтобы засвидетельствовать почтение по случаю.

С тощими букетиками, по многим признакам купленными в складчину, а не оплаченными из государственного бюджета, приходили те, с кем президент работал раньше и был близко знаком по прежней службе – стенографисты, архивариусы, делопроизводители, секретари из приемных вице-президента и академических институтов, помнившие его день рождения не по обязанности, – подлинную дату знали только те, которые хотели ее знать, – очень не посторонние люди, для которой президент не должность, от которого исходит благополучие или огорчения, а просто человек, такой же, как они сами.

Академик, за годы своей научной и административной карьеры в тонкостях усвоивший все условности и коммунистического, и буржуазного этикета, здесь, перед ними, стоял словно абитуриент перед экзаменационной комиссией, не умея сообразить, куда девать руки, какие слова сказать этим людям, и понимая, что все выходит как-то не так, переминался с ноги на ногу, притиснув цветы к груди.

Хотя на выборах очередной президент победил с перевесом всего в четыре белых шара. Зато, как утверждают бытописцы, специализирующиеся на составлении хроники внутривидовой борьбы, это были первые действительно честные выборы, которые не контролировались ни компартией, ни ее заменившими казенными конторами.

Можно вполне верить, имея в виду конкретный результат. Срок его пребывания на президентском посту исчислялся всего двумя неделями, но это ничего не значило. Те, кто был знаком с академиком не заочно и не по вешалкам в правительственных гардеробах, поняли: должность начальника академии отныне упраздняется. Того традиционного начальника, который мастерски владеет акустическими данными, книгой приказов и прочими атрибутами власти. На такую роль он явно не тянул. Не тот тип. Хотя опытом управленческой деятельности он обладал немалым.

Я в течение без малого десятка лет наблюдал этого человека, работая с ним в одном городе, где будущий президент был ректором сельскохозяйственного института, и поэтому свидетельствую – он и

там на роль начальника не тянул. Хотя добрых дел сотворил немало, сделав учебное заведение флагом сельскохозяйственной науки в североказахстанском регионе.

Но для тогдашних компартийных властей ректор Сагадиев был очень неудобным, непредсказуемым и неуправляемым, возмутителем спокойствия областного комитета правящей партии, членом которого состоял. Региональным вождям не очень хотелось иметь рядом с собой такую, имеющую собственный взгляд на вещи, фигуру. Но что оставалось делать? Положено по должности – ректоры состоят в номенклатурах. Таково общее правило, с которым приходилось считаться.

Но, несмотря ни на членство, ни на депутатство, приручить ректора не удалось. Декабрь 1986 года окончательно убедил руководителей областного филиала правящей партии в этом. Внезапно возникшая в обществе ситуация проверила одних на гнилость, других на совесть. Радикализм обоего толка зигзагом расколол город. Повод для избавления от строптивного ректора подвернулся просто идеальный, но фактов проявления казахского национализма комиссии – при всем ее настойчивом желании – обнаружить не удалось...

Словом, было что вспомнить, натываясь то на общих друзей, то на откровенных противников, неожиданно оказавшихся в противоположных лагерях.

Куда денешься, если именно так, а не по другому сформировалось общественное бытие...

Закон единства и борьбы противоположностей не Гегель и тем более не Маркс с Энгельсом выдумали. Если бы он изначально не был нам дарован как двигатель всего сущего, человечество так и осталось либо сидеть на деревьях, либо спасаться в пещерах.

Беда только, что противоречия, естественно необходимые для развития цивилизации, стали пониматься как инструмент оголтелой борьбы за власть, которая – оказалось – самый прибыльный товар, вообще существующий в природе.

Диалектика всякого развития состоит не в том, чтобы отрицать прошлое, а в отрицании в прошлом того, чего не стоит брать в будущее.

Воспоминания кончились.

На дворе стояла февральская действительность девяносто четвертого года. Еще не голая – босая, ибо сумела кое-чем заpastись при клятых коммунистах, но уже реформаторски полуголодная и ничего хорошего не ждущая от завтрашнего дня. Падение промышленного производства продолжается, угрожая перейти в смертельный штопор. Правительство решительно ничего не скрывает от народа, гордясь своим мужеством, и это, похоже, то единственное, в чем налогоплательщик ему верит.

Да, воспоминания кончились. Диктофон начал мотать реалии сегодняшнего дня.

2. Обреченные на революции...

Л.В. – Устное народное творчество во все времена было весьма своеобразным политическим термометром, довольно точно определяющим температуру общественного организма. В тридцатые-сороковые годы, рискуя надолго оказаться в лагерях, пели про товарища Сталина, который большой ученый, позже про Берия,

потерявшего доверие. После октябрьского государственного переворота в шестьдесят четвертом исполняли "Куба, отдай наш хлеб, Куба, возьми свой сахар, Куба, Никиты нет ...". И так далее. Знаете, о чем поют сегодня?

Наши нивы враз не разбазаришь, не продашь так сразу города; мы легко похерили "товарищ", но не все попали в господа.

Есть над чем думать: глас народа – глас Божий.

Возникает подозрение, что мы просто обречены на революции с единственной целью ломать, ничего не умея построить.

Чтоб ты жил во времена перемен, как желают китайцы наивысших неприятностей своим недругам. Иных решений, чем очередной погром во имя нового светлого будущего, только с обратным знаком, больше не существовало?

К.С. – Кто-то из мудрейших заметил однажды: точность мышления есть нравственная обязанность; дьявол играет вами, когда мыслить не точно ...

Мы обречены не на революции, а на сосуществование с великой Россией. Это очевидно и безусловно. Когда в январе девяносто второго она объявила о начале реформ, мы были просто вынуждены сделать то же самое. Хотя прекрасно понимали, что Гайдар в великом своем нетерпении реализовать себя поставил телегу спереди лошади. Конечно, мы уже имели к тому времени все основные политические атрибуты суверенитета. И могли принимать те решения, которые сочли бы правильными, но экономически мы к этому не были готовы. И потому пошли в кильватере России. Вы думаете, Н.Назарбаев разделял воззрения московских сторонников чикагской школы, которая, "шок без терапии"? Он по восточному хитрил, когда обстоятельства загоняли его в угол, иногда откровенно блефовал, ходил кругами вокруг идеи, на которой просто заиклился: единое экономическое пространство, рублевая зона. Президент – на счастье – широко образованный и достаточно хорошо информированный человек. Потому знал возможности республики. Ему требовалось время для создания всесторонне развитой инфраструктуры. Но его переиграли, вытолкнув из рублевой зоны. И тем не менее: что бы ни происходило в отношениях между Казахстаном и Россией, какие бы коллизии ни возникали, мы должны держаться рядом во имя обоюдного интереса. Возникают проблемы – их надо решать, находя общий язык. Даже в чем-то поступаться. Так устроен мир, что за все приходится платить.

Вопрос только в том, насколько высоки цены.

Л.В. – Сегодня уже не только публицисты, причисляющие себя к радикальному демократическому кругу, но даже толерантно воспринимающие политическую конъюнктуру экономисты высказывают весьма неординарные суждения на предмет крушения советской империи. По их мнению, ответы надо искать не в Беловежской пуще и не при расстреле Белого дома во время октябрьского контрреволюционного переворота (пора называть вещи своими именами), а гораздо раньше. Когда узурпировавшие власть большевики имплантировали в общественный организм России чужеродную идею марксистского учения, которая, в конечном счете, оказалась отторгнутой.

К.С. – Маркс – выдающийся ученый XIX столетия, и не его вина, что сотворили политики с результатами его исследований, доводя их до абсурда в угоду собственным взглядам. Но история, похоже, учит даже тех, которые у нее не учатся. Не случайно сегодня уже многие российские ученые – именно ученые, а не люди со степенями, рванувшие в политику, чтобы сделать карьеру, заявляют, что проводимые в их стране реформы чужды ее национальному менталитету. Наверное, у них есть основания так утверждать. Равно, как и у тех, кто говорит о неприемлемости для России социально-экономической концепции марксизма.

Но тогда возникает вопрос: насколько реформы в нашей республике, проводимые с оглядкой на соседнюю страну, отвечают казахстанским интересам? Даже после выхода страны из рублевой зоны курс социально-экономических образований у нас фактически не скорректирован. А если уж откровенно, он вообще не был сформулирован, как четкая и поэтапная программа действий. Наше правительство продолжает тащиться в кильватере российской экономической реформы, усугубляя, как водится, ее просчеты. Или в отдельных случаях руководствуется подсказками иноземных гастролеров.

Бессистемная реорганизация нашего народного хозяйства ни к чему хорошему не ведет. Она есть следствия материализации противоречивых идей и суждений наших реформаторов о будущем облике государства, его экономической инфраструктуре – своеобразный коктейль, составленный Бог весть из чего. И на каждом этапе у высших эшелонов власти свое понимание ситуации..

Л.В. – Еще Конфуций говорил: если разрушается мышление, то разрушаются порядки.

К.С. – Весьма существенно. Сегодня у нас формируется такой экономический стереотип американской разновидности вестернизации.

То есть в основу кладутся идеалы рыночного хозяйства и представительной демократии. Политика, исходящая из таких экономических схем, в наших конкретных условиях, не имеющих никаких предпосылок, иррациональна и догматична.

Реальная жизнь неоднократно убеждала и убеждает: продуктом труда является практическая деятельность людей, а не идеи, существующие в сознании, к тому же очень часто надуманные. Если прежние экономические связи функционируют, то продолжают работать и прежние стереотипы мышления, традиционные формы деятельности управляющих.

Для выработки стратегии возрождения Казахстана и принципиальной корректировки нынешней экономической политики нужна философия нового мышления.

Л.В. – Нельзя победить следствие, не устранив причину...

К.С. – Именно. Рынок не терпит непрофессионализма. Вопреки этому на страницах вроде солидных журналов расцветает экономический фольклор. Люди, далекие от конкретной науки – историки, физики, философы и т.д. – бегло познакомившись с переводными западными изданиями, без всяких сомнений берутся за решение сложнейших проблем экономики.

Л.В. – Дальше всех идет тот, который не знает, куда он идет...

К.С. – На Западе нынче шутят: научите попугая произносить "спрос" и "предложение" – и перед вами готовый экономист. Причина упрощенного понимания нашей реформаторской политики, обернувшейся цепью провалов, кроится не в последнюю очередь в отсутствии у нас фундаментальных теоретических исследований, нет и крупных специалистов в области макроэкономики, которые бы владели своим ремеслом на мировом уровне.

Отсюда и поведение нашего правительства с повернутой до хвоста в позвонках головой: что у них там, в России? А там, оказывается, та же практика иноземных шептунов, явных и тайных.

Через такую, простите, науку мы намереваемся реформировать свое народное хозяйство, чтобы из развивающихся стран перейти в категорию развитых...

Но ведь Запад вовсе не однороден. Там тоже существует множество школ и направлений, там действительно борьба противоположностей, двигающих науку.

А поглядим, что делается у нас. Экономические экстремисты из так называемых демократических кругов всеми средствами добиваются становления в республике модели примитивного капитализма, которого фактически нигде уже нет. В посттоталитарном обществе разнородные группы и течения имеют чаще всего взаимоисключающие идеалы. Отсюда и понимание ими реформ, диктуемых конкретным интересом. Для мелкой буржуазии, например, единственным и правильным вариантом представляется создание сотен тысяч мелких хозяйств и предприятий. Компрадоры в свою очередь пробиваются к монополии на разработку природных ресурсов с целью перепродажи добытого сырья за рубеж.

Л.В. – Но что у нас, Кенжегали Абенович, все-таки происходит...

Столкновение разумной идеи с неразумной действительностью? На мой взгляд – разумеется, дилетанта – реформы у нас не только потому не идут (который год на месте топчемся и только делаем вид, будто чего-то делаем), что наука экономическая не предложила приемлемой концепции выхода из кризиса. И не только потому, что нет у правительства собственного четкого курса реорганизации народного хозяйства. А может, в том все дело – и в первую очередь, – что у людей нет никакого интереса к тем самым реформам, которые и живут – то на страницах правительственных официозов и в головах самого правительства. Кругом одни потери. В нашем очередном революционном сумбуре народ понял одно: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

Заниматься промышленным производством стало пустым делом. Стоять у станка – нелепей не придумаешь. Ведь некий пронырливый малый, без труда продав за день штуки четыре "Распутина", уплатив все налоги, рассчитавшись с рэкетирами и взяточниками – инспекторами, без всякого надрыва имеет в месяц тысяч тридцать тенге чистого дохода. Не имею привычки шариться в чужих карманах, но очень похоже, что на такое жалование даже Президент республики вряд ли тянет. Какое же государство намерены мы конструировать, если в нем нет никакого резона что – либо производить. Везде и всюду одно сплошное гешефт-махерство. А помните, что говорил Людвиг Эрхард, автор германского чуда:

стремление к росту производства через эффективный труд продуктивнее политики строгой экономии.

Вот и весь секрет волшебства. Разносим в пух и прах несчастного Маркса, высказавшего простейшую мысль: всякое государство держится на прибавочной стоимости. Хоть буржуазное, хоть народно-социалистическое. Но спекулянт, играющий сегодня первую скрипку и гордо именующий себя бизнесменом, никакой прибавочной стоимости не производит. Он в лучшем случае платит налоги от своего гешефта.

Недавно в одной из официозных газет промелькнула радостная новость: ну наконец-то после Указа Президента о взаимных платежах прокатится по Казахстану долгожданная волна банкротств.

То есть речь идет об окончательном развале промышленного производства. О его реорганизации и техническом перевооружении в сообщении ничего нет, следовательно, вопрос иначе и не ставится. А раз так, у нас есть все шансы вновь вернуться к прежней аббревиатуре КазССР, только расшифровав ее на современный манер - суверенная спекулянтская. Тоскливый юмор.

К.С. - Сердито. Но коль скоро такая точка зрения существует, она тоже имеет право быть высказанной.

Нам следовало с самого начала кардинального переустройства общества поставить вопрос о цене реформ, представители правительственных кругов - как российских, так и казахстанских - вместе с иноземными консультантами представляют катастрофическое падение жизненного уровня как неизбежную плату за вхождение в рынок, своеобразную индульгенцию за очередное светлое будущее. Основные контрапункты: общее сокращение производства при отмене субсидий, структурная перестройка тяжелой и оборонной промышленности, достаточный уровень безработицы для контроля инфляции.

Именно это есть та цена, которую надо заплатить за создание свободного, демократического общества. Но я такую логику не приемлю. Она носит сугубо монетаристский характер, являясь - по существу замысла - экономической самоцелью, способной еще более усугубить и без того бедственное положение народа. То, о чем я говорю, никакой не популизм, это суровая реальность.

Переход от плановой, командно- административной системы к рыночной экономике не может быть одномоментным, революционным.

Он измеряется иногда десятилетиями и состоит из нескольких этапов. Это наивные рассуждения: как только предшествовавшая социально-экономическая система прекратит свое существование, ее место сразу займет новая и начнет немедленно действовать.

Анализируя опыт "шоковой терапии", молниеносно устанавливающей рыночные отношения...

Л.В. - Военный коммунизм с обратным знаком...

К.С. - ...приходишь к выводу, что не о рыночной экономике западного типа надо сегодня говорить, а об эффективной экономике переходного периода. Поступать иначе - все равно, что стелить асфальт по болоту. Опыт Польши и других стран показал, что за эффектом либерализации следует период затяжной стагнации.

Переходную экономику необходимо скрупулезно анализировать и просчитывать. Очень стоит повнимательней присмотреться к экономическим программам Китая. В нынешнем десятилетии там

поставили себе задачу достижения "веньбао" (состояние сытости) на протяжении десятилетий следующего века иметь «сяокан» (состояние умеренного достатка).

Л.В. -То есть вползание в рынок?

(Окончание диалога в следующем номере)¹.

29 марта 1994 г.

¹ После этого номера указанная газета не выходила.